

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. Б. ЛЕТНЕВ

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРОРОДЕЗИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Вопрос о социальных сдвигах в африканской деревне, являющийся частью вопроса о развитии капиталистических отношений в недрах африканского общества, долгое время замалчивался буржуазными этнографами. Для них было важно дать детальное исследование родоплеменных институтов, чтобы с позиций функциональной школы разработать «научные» методы их консервации. Но теперь они уже не могут игнорировать такие факты, как развитие товарно-денежных отношений и рост отходничества в Африке южнее Сахары. Тем не менее специальных исследований, посвященных развитию социальных отношений в африканской деревне, пока все еще нет. Конкретные материалы по этому вопросу, собранные различными авторами и бессистемно разбросанные в их работах, все еще недостаточны для создания цельной картины.

Настоящая статья представляет собой попытку проследить становление новых социальных отношений в северорозезийской деревне. Этот вопрос рассматривается в статье на примере племен, которые принято объединять — по принципу языковой и культурно-хозяйственной общности — в группу бемба¹. Таким образом, говоря в данной статье о бемба, мы имеем в виду как собственно бемба, самое большое по численности племя Северной Родезии, так и другие бембазычные племена — луунда, тва, унга, нгумбу и др. Все перечисленные племена населяют северо-восток Северной Родезии (а также прилегающие районы Бельгийского Конго) — сильно заболоченный озерный край, который пересекает водная система Чамбези — Луапула, принадлежащая к бассейну Конго.

Бемба — мотыжные земледельцы тропического пояса. Основой их хозяйства до сих пор является подсечно-огневое земледелие, так называемая система «читемене». Удобрений они не употребляют, поэтому почва в течение пяти-шести лет истощается. Отсюда частые перемещения деревень с одного места на другое. Выращивают просо, маниок, рис, бататы, тыквы.

Рыболовство служит подспорьем для всех бемба. Но в некоторых районах значение рыбной ловли для населения выходит за рамки подсобного промысла. Так, луунда, населяющие берега Луапулы, живут именно рыбной ловлей. Однако это не значит, что земледелие здесь вовсе отсутствует. Несмотря на сильную заболоченность долины, в ней имеется достаточное количество годной для обработки земли. Наиболее плодо-

¹ См. Л. Д. Яблочков, Коренное население Британской Центральной Африки «Африканский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XLIII, М., 1958, стр. 163; е г о ж е, Центры этнической консолидации коренного населения Северной Родезии и Ньясаленда, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 122.

родные земли тянутся по кромке болот, где и сконцентрирована основная масса населения. Аналогичная картина наблюдается в приозерных районах (озера Мверу и Бангвеоло) и в долине р. Чамбези. В более возвышенных районах — на Танганьикском плато — преобладает земледелие.

Рассмотрим вкратце элементы старых производственных отношений сохранившиеся у бемба.

Бемба принадлежат к числу народов, у которых до сих пор сохранились институты, свойственные материнскому роду. Брак (по крайней мере вначале) матрилокален, сохраняется матрилинейный счет родства, существуют определенные отношения между дядей с материнской стороны и племянником². Однако остатки родового строя у бемба существуют в сильно измененном виде. Главное заключается в том, что род уже не представляет собой экономического единства.

Введение колониальной администрацией денежного налога и появление необходимых в быту европейских товаров, которые можно купить только за деньги, вынуждали крестьян уходить на заработки, главным образом на шахты «медного пояса» — крупнейшего горнопромышленного района Северной Родезии, — но иногда и за пределы Северной Родезии — в Бельгийское Конго или Южно-Африканский Союз. По свидетельству английского этнографа Одри Ричардс, среди бемба трудно найти человека 19-го века, который никогда не уходил бы на заработки³. Процент отходничества обычно колеблется в пределах от 40 до 60.

Английский этнограф У. Уайтли сообщает следующие официальные данные по трем дистриктам Северной провинции (1948)⁴.

Дистрикт	% налогоплательщиков, уплативших налог вне своего постоянного места жительства	Из них	
		в Северной Родезии	за пределами Северной Родезии
Касама	53,55	17,06	36,49
Чинсали	39,54	10,74	28,8
Мпика	28,62	3,9	24,72
В среднем ⁵	40,47	10,56	30,00

Следует отметить двойственное влияние отхожих промыслов на родовые отношения. С одной стороны отходничество их окончательно подрывает, с другой — в какой-то степени способствует сохранению таких старых институтов, как матрилинейный счет родства и матрилокальное поселение. Высокое положение женщины, хранительницы домашнего очага и основной рабочей силы в поле, сохраняется отчасти именно из-за постоянного отсутствия большинства взрослых мужчин. Однако несмотря на то, что женщина пользуется большим уважением и домашнее хозяйство находится в ее руках, налогоплательщиком является мужчина, именно его колониальные власти признают главой семьи.

На примере бемба можно, таким образом, еще раз проследить влияние внешних противоречий — между африканской деревней и иностранным капиталом — на развитие внутренних противоречий, свойственных самой этой деревне. В самом деле, борьба между материнским и отцовским правом еще не закончилась, материнский род у бемба еще не сменил

² A. I. Richards, Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia, Oxford, 1932, стр. 17; M. Gluckman, J. C. Mitchell, J. A. Barnes, Village Headman in British Central Africa, «Africa», т. XIX, № 2, London, 1949, стр. 90.

³ A. I. Richards, Указ. раб., стр. 23.

⁴ W. Whitely, Bemba and Related Peoples of Northern Rhodesia; J. S. Slack, Peoples of the Lower Luapula Valley, London, 1951, стр. 22.

⁵ Так в источнике.

окончательно отцовским, а в деревне уже существует классовое расслоение, которое, очевидно, будет все более возрастать по мере развития товарно-денежных отношений.

Такое переплетение внутренних противоречий с внешними осложняет анализ социальных отношений в деревне и, в частности, анализ некоторых институтов родоплеменной организации, свойственных бемба.

Сказанное в полной мере относится, например, к институту вождей племен. Во главе племени бемба стоит верховный вождь, носящий титул читимукулу (Большое Дерево), власть которого передается по наследству по материнской линии одного и того же рода Крокодила. Читимукулу через подчиненных ему вождей низшего ранга управляет всем племенем, но под его непосредственным руководством находится центральная часть страны бемба — Лубемба. Подобную иерархию мы встречаем и у других племен, входящих в группу бемба. Так, в низовьях Луапуды, населенных в основном луунда, верховному вождю, носящему титул казембе, подчиняются семь ниже его стоящих вождей⁶.

В Северной Родезии мало английских колонистов, земля там находится во владении родоплеменных общин. Непосредственное распоряжение землей оставлено в руках вождей и старшин родов. По свидетельству Одри Ричардс, читимукулу считает, что ему принадлежат земля, рабочая сила людей, ее обрабатывающих, и вся произведенная ими сельскохозяйственная продукция⁷. Правда, вождь не может продать землю⁸ и формально не может считаться землевладельцем в полном смысле этого слова. Но в отношении пользования землей крестьянин целиком зависит от вождя. Каждый общинник признает себя подданным вождя, на территории которого он проживает. Он не может поселиться в данной деревне в качестве полноправного члена общины без разрешения вождя.

Общинники отбывают ряд повинностей в пользу вождя. Раз в год в течение двух-трех дней они занимаются расчисткой лесных участков, обработкой полей, постройкой домов. Собранный урожай идет на содержание семьи и свиты вождя, иногда довольно многочисленной. Вождям выплачивается лань в виде зерна, пива, рыбы, дичи, в последнее время денег (отходниками)⁹. Эти ежегодные подношения вождей собирает с жителей деревни старшина, который ставит у входа в свой дом пустую корзину и ждет, пока каждая хозяйка положит в нее свою долю.

Для того чтобы основать новую деревню (в связи с истощением почвы на старом месте), старшина должен иметь не только список 15 налогоплательщиков, которые признают его главенство и готовы следовать за ним, но и разрешение вождя на поселение в данной местности¹⁰. Практически это не обходится без денежного подарка, который старшина преподносит вождю.

Из сказанного следует, что в деревне рассматриваемого района Северной Родезии до сих пор существуют отношения, основанные на эксплуатации фактическим собственником земли непосредственного производителя — крестьянина, что крестьянин обязан взамен пользования землей отчуждать в пользу ее фактического собственника — вождя известную часть своего труда, либо непосредственно, либо продуктами, либо в денежной форме. Иными словами, перед нами — феодальная рента, феодальные отношения. Разумеется, это не классическая форма феодализма, характерная, например, для европейского средневековья.

⁶ W. White'ly, Указ. раб., стр. 28.

⁷ A. I. Richards. Указ. раб., стр. 244—245.

⁸ A. I. Richards, The Political System of the Bemba Tribe, North-Eastern Rhodesia (в сб.: M. Fortes and E. Evans-Pritchard (ed.), African Political Systems, London, 1941, стр. 116).

⁹ A. I. Richards, Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia, стр. 253, 257.

¹⁰ I. Cunnison, Kinship and Local Organization on the Luapula, «Communications from the Rhodes — Livingstone Institute», V (1950), стр. 7, 8.

И отработочная, и натуральная рента в данном случае выступает в специфической патриархальной форме. Отчуждение части крестьянского труда или продукта в пользу вождя мотивируется существованием древнего обычая «помощи» вождю¹¹. Таким образом, вождь выступает скорее как носитель патриархально-феодальных отношений, т. е. таких производственных отношений, которые по своему экономическому содержанию являются феодальными, но формой своего проявления тяготеют скорее к патриархальным родовым отношениям.

Следует подчеркнуть, что этого своеобразия феодализма в Африке южнее Сахары не хотят признать буржуазные этнографы. Небольшие и нигде не зафиксированные размеры дани, взимаемой вождями, постоянные перемещения бемба с места на место, наконец, обилие годной для обработки земли вызывают у некоторых английских авторов сомнения относительно феодального характера отработочной и натуральной ренты, которая — пусть в специфической патриархальной форме, — но все же присваивается вождями. По мнению О. Ричардс, рента вообще выплачивается лишь в том случае, если установленное количество труда или продукта отчуждается взамен права на пользование определенным земельным наделом. Поскольку система землепользования у бемба не отвечает этим требованиям, дань, взимаемая в пользу вождей, по Ричардс, вообще не подпадает под понятие ренты. Она считает эту дань всего лишь «элементом» в системе отношений взаимозависимости между подданным и вождем¹². Зависимость общинника от вождя она усматривает в том, что общинник соглашается на признание политической власти вождя, взамен чего ему гарантируется право на обработку любого земельного надела. Зависимость вождя от общинника выражается, по ее мнению, в том, что вождю необходимы рабочие руки для обработки полей и для содержания своей свиты.

Подобная трактовка затушевывает важный принципиальный вопрос о феодальном экономическом содержании земельных отношений в северородезийской деревне. Оттого, что размеры ее не зафиксированы на бумаге или незначительны, феодальная рента не перестает быть таковой. Не отчуждая своего труда или продуктов в пользу вождя, иначе говоря, не выплачивая в той или иной форме ренты, общинник вообще не может пользоваться землей. В этом существо дела.

Мы подошли к главному вопросу нашей темы, к вопросу о становлении капиталистических отношений в северородезийской деревне.

До появления европейцев хозяйство бембазычных племен было натуральным. Правда, в XIX в. арабы уже торговали с бемба. Но это был простой обмен, при котором деньги еще не являются мерой стоимости. Лишь с начала XX в. стали развиваться товарно-денежные отношения. Их рост наметился с начала 1930-х годов, когда в Северной Родезии была создана меднодобывающая промышленность.

Известное представление о степени развития товарно-денежных отношений дает специальный доклад по этому вопросу, составленный экспертами ООН по тропической Африке в 1954 г. Из доклада явствует, что в 1950 г. денежные доходы африканцев Северной Родезии исчислялись суммой в 21 млн. американских долларов. Из них только один миллион был получен за счет реализации сельскохозяйственной продукции, а остальные 20 млн. — за счет оплаты труда отходников¹³.

Развитие товарно-денежных отношений создало дополнительные возможности для обогащения представителей родоплеменной верхушки, для их превращения в капиталистических предпринимателей. Раньше вожди и родовые старшины сами потребляли поступающую в их распоряжение

¹¹ A. I. Richards, *Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia*, стр. 251, 257.

¹² Там же, стр. 262.

¹³ «Enlargement of the Exchange Economy in Tropical Africa», United Nations, Department of Economic Affairs, New York, 1954, стр. 26.

дань. Естественно, что в этих условиях размеры дани были ограничены размерами потребления. Затем появилась возможность превращения натуральной ренты в деньги. Отсюда тенденция к увеличению размеров дани и одновременно к расширению хозяйства вождя, иными словами тенденция к увеличению размеров как натуральной, так и отработочной ренты. По свидетельству У. В. Брелсфорда, который специально занимался изучением хозяйства рыбаков племени унга (район оз. Бангвеоло), значительная часть рыбы, получаемой вождями унга в порядке дани, идет теперь на продажу, тогда как раньше вся рыба шла на личное потребление¹⁴.

Родоплеменная верхушка втягивается в торговые операции, скупает и продает крестьянскую продукцию, заводит свои лавки и магазины. Типичным примером такого рода деятельности является участие вождей в развитии соляного, а также рыбного промысла. Вожди охотно продают полученную от крестьян соль. В районе оз. Мверу, где существуют сезонные соляные промыслы, до войны вождь выручал за сезон до 50 фунтов стерлингов от продажи соли¹⁵.

Для расширения своего личного хозяйства вождь привлекает уже не только даровую рабочую силу, но и нанимает рабочих¹⁶. В данном случае перед нами типичный пример столь распространенного в африканской деревне переплетения феодальных отношений с капиталистическими. Как носитель феодальных отношений, выступающих в специфической патриархальной форме, вождь отчуждает прибавочный труд крестьянина в виде ренты. Как капиталист он присваивает прибавочный труд сельскохозяйственного рабочего в виде прибыли.

Разбогатевшие вожди по своему образу жизни резко отличаются от соплеменников. Английский этнограф Мур, посетивший одного из таких вождей, описывает его дом как вполне современный по виду — оштукатуренный и хорошо меблированный; вещи европейского производства совершенно вытеснили в нем изделия местных мастеров¹⁷.

Недостаток фактического материала заставляет нас отказаться от обобщений по вопросу об обуржуазивании родоплеменной верхушки. Бóльшее количество имеющегося материала сделает возможным более углубленное исследование процесса выделения буржуазных элементов из числа самих крестьян.

Наибольшая степень развития капиталистических отношений наблюдается в тех районах, где природные условия позволяют возделывать высокодоходные культуры (какао, кофе, хлопок, сизаль, масличную пальму, арахис и т. д.), идущие на экспорт. Северная Родезия в этом смысле сильно отстала от таких колоний, как Берег Слоновой Кости, Сенегал, Уганда, Танганьика. Культура кофе, а также табака и хлопка только начинает внедряться. По сообщениям родезийской печати, 53 африканских фермера (дистрикт Исока, «Северная провинция») за последние четыре года посадили в общей сложности 4 тыс. кофейных деревьев. Один фермер, Дональд Сивале, посадил в 1956 г. 400, в 1957 — 150 кофейных деревьев и рассчитывает увеличить в 1958 г. общее количество саженцев до 700¹⁸. Кофе — культура многолетняя, первый урожай фермеры снимают лишь в 1958—1959 гг., поэтому рано еще говорить об их доходах. Но живой интерес, проявляемый ими к экспортным культурам, уже сам по себе весьма показателен.

В некоторых районах рассматриваемой части Северной Родезии

¹⁴ W. V. Brelsford, *Fishermen of the Bangweulu Swamps*, Livingstone, 1946, стр. 90.

¹⁵ R. J. Moore, *Industry and Trade on the Shores of Lake Mweru*, «Africa», т. X, № 2, 1937, стр. 144.

¹⁶ A. I. Richards, *Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia*, стр. 259.

¹⁷ R. J. Moore, *Указ. раб.*, стр. 145.

¹⁸ «The Rhodesian Herald», Salisbury, 3 января 1958, стр. 21.

успешно развивается добыча соли и торговля ею. Пользуясь тем, что в иных местах ощущается нехватка соли, солевары с оз. Мверу сбывают ее. Часть соли продается на соляных промыслах, куда африканцы приезжают и приходят иногда за сотни километров. Некоторое количество соли попадает в Бельгийское Конго. Остатки ее развозятся перекупщиками на велосипедах по всей стране. Их можно встретить, например, в Аберкорне, более чем за 350 км от озера.

Соляной промысел связан с тяжелым, изнурительным трудом, который приносит самим солеварам весьма скудные доходы. До войны солевар за сезон мог заработать на продаже соли не больше пяти фунтов стерлингов¹⁹. Но на промыслах успела уже сложиться прослойка торговцев-посредников, которые скупают соль на месте ее добычи и перепродают в других районах, наживаясь на непосредственных производителях-солевахарах. Данные об их торговой прибыли отсутствуют. Можно предположить, что она достаточно велика, если перепродажа соли превратилась в особое ремесло.

Соляные и рыбные промыслы способствуют складыванию рынка спроса на самые разнообразные продукты крестьянского хозяйства. В торговый оборот втягивается, в частности, основной продукт питания — просо, причем в роли его покупателей выступают люди, порвавшие земледелием и ушедшие на промыслы. Просо покупают также африканское городское население и религиозные миссии.

Хотя в целом товарность хозяйства племен группы бемба пока невелика, а возможность накопления денег с их последующим превращением в капитал довольно относительна, этот общий вывод неприменим к отдельным специфическим районам. Мы имеем в виду область расселения рыболовов — берега Луапулы и Чамбези и приозерные области. В этих местах разложение родовых отношений зашло далеко, а рост капиталистических отношений идет более быстрыми темпами, чем в других районах.

Рыболовам легче превратить продукт их хозяйства в товар, чем земледельцам, выращивающим просо. Улов всегда можно сбыть, выручив за него европейские деньги. В приозерных районах активная меновая торговля рыбой велась и до колонизации. Рыба обменивалась на грибы, мед, дикорастущие фрукты. До сих пор часть ее непосредственно обменивается на просо. Но основная масса выловленной рыбы теперь идет на рынок и продается именно за деньги²⁰.

На рыбной ловле основано хозяйство луунда, унга, биса. Но не только коренные жители речных и озерных районов занимаются теперь ловлей рыбы. С 30-х годов XX в. в долину Луапулы начали прибывать жители плато, привлеченные выгодами рыболовства. Некоторые из них, например чишинга, никогда не забрасывали невода и не умели строить лодок, что не помешало им быстро овладеть новым ремеслом и стать заправскими рыболовами.

Рыбная ловля ведется все более интенсивно. Если несколько лет назад на оз. Мверу рыбаки забрасывали сети пять раз в неделю и довольствовались работой в течение нескольких месяцев в году, то теперь они забрасывают сети семь раз в неделю и заняты на рыбных промыслах значительно большую часть года (данные 1955 г.). В последнее время африканцы проявляют возрастающий интерес к разведению рыб в садках. Уже существуют хозяйства, владельцы которых получают год по три с лишним тонны рыбы с одного гектара пруда²¹.

Развитие горнодобывающей промышленности Катанги (Бельгийское Конго) и «медного пояса» (Северная Родезия) привело к созданию весьма выгодного рынка. Именно это обстоятельство послужило причиной

¹⁹ R. J. Moore, Указ. раб., стр. 146.

²⁰ J. Slaski, Указ. раб., стр. 85.

²¹ «Northern Rhodesia, 1955», Colonial Reports, Lusaka, 1956, стр. 27.

перехода многих африканцев к торговле рыбой. Среди нахлынувших в долину Луапулы пришельцев, о которых говорилось выше, были не только жители Северной Родезии, но и Бельгийского Конго. Рядом с европейским рыботорговцем появился купец-африканец.

Мы не располагаем исчерпывающими сведениями о том, какая часть улова попадает в руки африканских перекупщиков, а также о том, какая именно его часть продается на месте. Известно только, что рыбаки продают рыбу и европейским перекупщикам, и африканским. Кроме того, сам рыбак может сбыть улов в городе, причем покупателем может быть и европеец, и африканец. Наконец, рыбу может закупить религиозная миссия или группа крестьян-земледельцев, пришедшая издалека специально для этой цели.

Наибольшая часть рыбы, выловленной в Луапуле, продается не в Северной Родезии, а в Бельгийском Конго. Распродажа улова на месте приносит небольшую выгоду. Гораздо выгоднее переправить его на лодке на бельгийский берег реки и сдать в Касенга, где имеется холодильник. Касенга связан к тому же прямым сообщением с крупным горно-промышленным центром Бельгийского Конго — Элизабетвиллем. С еще большей выгодой рыбу сбывают в городах «медного пояса», например в Муфулире, где оборудованы специальные рыбные ряды. Но до Муфулиры далеко, доставка свежей рыбы туда затруднена и влечет за собой большие транспортные расходы. Очевидно, что такую сложную торговую операцию, как продажа улова в «медном поясе», могут позволить себе не простые рыболовы, а состоятельные рыботорговцы.

У. В. Брелсфорд в 1943 г. произвел опрос рыболовов унга. Ему удалось выяснить, что три четверти опрошенных обычно продавали свой улов на стороне и лишь одна четверть — непосредственно на берегу оз. Бангвеоло. При этом основная часть улова, сбываемого на стороне, продавалась либо в Капалала (Бельгийское Конго), либо в довольно отдаленных горнопромышленных центрах Северной Родезии, таких, как Ндола, а не в близлежащих населенных пунктах²². Эти данные в какой-то степени свидетельствуют о наличии тенденции к сбыту улова как можно дальше от места промысла в целях обеспечения наибольшей прибыли.

Чем больше выручает от продажи рыбы африканский рыболов, тем уже становятся для него рамки родовой организации. Пережитки родового строя задерживают накопление богатств в руках одного лица. Это неизбежно вызывает враждебную реакцию капиталистических элементов, которые любой ценой стремятся избавиться от бремени кровного родства.

Для богатых рыбаков весьма нежелательно соседство бедных родственников, которые, пользуясь правом родства, выпрашивают часть улова. Иногда они просто берут рыбу, иногда помогают тянуть сети. На оз. Мверу каждый из таких помощников получал до войны до 30 рыбин с улова²³. Отказать нельзя, ибо это противоречит элементарным нормам обычного права. Выход из этого положения богатые рыбаки находят в длительных отлучках из деревни. Даже если деревня стоит на самом берегу реки, многие переселяются на весь сезон рыбной ловли во временные жилища, которые специально строят подальше от деревни, иногда за сотню километров.

Старшина обычно убеждает молодых рыбаков не отлучаться слишком далеко и надолго из деревни в поисках удачного места, не забрасывать домашних дел. Здесь явственно проступает антагонизм между родовым коллективистским началом и личным стремлением к наживе. Впрочем, подобные увещевания не имеют особенного эффекта. Об этом сви-

²² W. V. Brelsford, Указ. раб., стр. 111.

²³ R. J. Moore, Указ. раб., стр. 153.

детельствует хотя бы приводимая ниже таблица средней длительности отлучек из одной приозерной деревни, составленная У. В. Брелсфорда в 1943 г. на основании опроса 200 рыбаков унга²⁴:

В 1943 г. отсутствовали:	в течение	1 — 2 месяцев	31 человек
„	„	2 — 3	52 „
„	„	3 — 4	70 „
„	„	4 — 5	43 „
„	„	5	2 „
„	„	6	2 „

Разбогатевшие рыбаки уже не испытывают должного почтения к отношению не только к старшине, но и к вождю. Когда вождь посылает в рыбацкую деревню сборщика дани с требованием выделить ему часть улова (практически одну-две рыбины с каждого хозяйства), то случается, что его посланец возвращается с пустыми руками. При этом отказавшиеся дать рыбу не подвергаются никакому наказанию²⁵. Между тем, до войны каждый рыбак обычно выделял часть улова (у унга — 20—30 рыбин) в порядке дани своему вождю. Эта практика почти прекратилась с введением колониальной администрацией системы лицензий на ловлю рыбы сетями (1943). Отказ делиться с вождем своим уловом рыбаки мотивируют тем, что оплата ими лицензии отныне освобождает их от подношений в пользу вождя²⁶.

Таким образом, мы указали на основные возможные в условиях Северной Родезии источники обогащения крестьянина. Следует подчеркнуть, что, по свидетельству многих авторов, перечисленные сферы хозяйственной деятельности, сулящие наибольшую экономическую выгоду, привлекают главным образом людей, уже побывавших на заработках в городе. Этому не приходится удивляться. Перед человеком из деревенской глуши, хоть раз побывавшим в капиталистическом городе, возникает стремление накопить денег и обзавестись «крепким» хозяйством.

Конечно, далеко не всем удается превратить такую возможность в действительность. Как правило, отходник влечит жалкое существование полугородского, полусельского жителя. Часть отходников превращается в кадровых пролетариев. Некоторой, очень незначительной части удается кое-что скопить. Вернувшись в деревню и располагая известными суммами, весьма значительными в общих условиях низкого уровня жизни африканского сельского населения, такие люди мыслят и действуют уже совершенно иначе, чем их сородичи. Дух предпринимательства, которым проникнут бывший отходник, несовместим с родовыми отношениями. Отсюда неизбежность конфликтов между представителями родоплеменной верхушки и наиболее активной частью общины — молодежью, вернувшейся с заработков.

Новые для африканской деревни капиталистические отношения утверждаются в упорной борьбе со старыми, процесс их становления весьма сложен и подчас противоречив. Борьба капиталистических элементов против уравнилельных тенденций родового строя, против деспотической власти вождей принимает иногда весьма острые формы.

Отходник ясно осознает, что для того, чтобы стать самостоятельным хозяином, он должен работать на себя, а не на вождя. Разбогатевшие крестьяне сами нуждаются в рабочей силе для обработки полей, особенно в горячую пору уборки урожая. Они нанимают сезонников, часто используя для этой цели дальних родственников. Расплачиваются с ними продуктами питания, реже деньгами. Сезонники либо питаются за общи-

²⁴ W. V. Brelsford, Указ. раб., стр. 128.

²⁵ I. Cunnison, Указ. раб., стр. 2.

²⁶ W. V. Brelsford, Указ. раб., стр. 40, 85.

столом, либо получают небольшое количество зерна нового урожая. Чаще всего в роли сезонников выступают женщины, разведенные или покинутые мужьями, которые вынуждены продавать свою рабочую силу, чтобы кое-как перебиться в тяжелое время года. Описанная система найма рабочей силы у бемба именуется «укупула». Иногда богатые крестьяне собирают односельчан, расплачиваясь с ними только пивом, которое выставляется по окончании работы. Такая система, напоминающая русскую «помощь», носит название «укутумья»²⁷.

Суть обеих этих систем сводится к эксплуатации батраков кулаками, с той только особенностью, что иногда в качестве батраков используются родственники. Эта эксплуатация маскируется нормами обычного права. Но ясно, что в рамках системы «укупула», например, не остается места для родовых отношений взаимопомощи. Батрака кормят вовсе не в порядке оказания помощи сородичу или гостеприимства, а в порядке сугубо экономического обмена между кулаком-работодателем и батраком. Последний, со своей стороны, получает пищу, зерно или деньги вовсе не по праву родства, а в порядке оплаты своего труда. Кулак, следовательно, обеспечивает свое хозяйство дешевыми рабочими руками, ловко используя древний обычай взаимопомощи сородичей, но не придерживаясь его на деле.

О выделении в деревне рассматриваемого района прослойки зажиточных крестьян косвенно свидетельствуют данные о развитии кооперации. Английский этнограф Ян Каннисон, в течение ряда лет серьезно занимающийся изучением хозяйства луунда, приводит интересные сведения о кооперативах, созданных в долине Луапуды. В 1950 г. там существовал только один бытовой кооператив. Но уже тогда в органы колониальной администрации было подано много заявлений с просьбой разрешить организацию новых кооперативов. Характерно, что большинство авторов этих заявлений — люди, побывавшие на рудниках «медного пояса»²⁸. Неизвестно, сколько кооперативов было в долине Луапуды через пять лет. Мы располагаем только данными по всей Северной Родезии, но они достаточно убедительны: на декабрь 1955 г. было зарегистрировано 122 африканских кооператива. Установлено, что каждый месяц власти регистрируют примерно два новых кооператива²⁹.

В заключение на примере долины Луапуды отметим влияние новых социальных отношений на поселення и жилища бембаязычных племен. Начать с того, что благодаря тяге крестьян к рыболовному промыслу произошло массовое перемещение самих деревень из лесной полосы на запад, к кромке болот, тянущихся по берегам Луапуды. За полвека (1900—1950) число поселений между Казембе и Мберешу увеличилось с 4 до 27³⁰. Расстояние между двумя населенными пунктами не превышает и 20 км. Это дает некоторое представление о плотности населения в долине, охваченной подлинной «рыболовной лихорадкой».

Планировка новых поселений и жилищ в них коренным образом отличаются от старых (последние, разумеется, численно преобладают). Деревня старого типа состоит из нескольких десятков хижин; явно выделяются группы хижин, объединенных общим хозяйством. Улиц в такой деревне нет. Жилища строятся круглые (встречаются квадратные) в плане, с конусообразной крышей, крытой соломой; края крыши выступают над стенами. Основным строительным материалом служит глина, которой обмазывают плетеный каркас.

Новая деревня спланирована иначе. Прежде всего, деревни теперь строятся с таким расчетом, чтобы рядом обязательно проходила авто-

²⁷ A. I. Richards, *Land, Labour and Diet in Northern Rhodesia*, стр. 145—146.

²⁸ I. Cunnison, *Указ. раб.*, стр. 8.

²⁹ «Northern Rhodesia, 1955», стр. 21.

³⁰ I. Cunnison, *Указ. раб.*, стр. 3.

магистраль, которая пересекает всю долину с севера на юг. Поселения тесно примыкают друг к другу, составляя чуть ли не единую нить, которая тянется по самой кромке болот вдоль автомагистрали³¹.

Наблюдается тенденция равномерно застраивать домами главную улицу, от которой под прямым углом расходятся все остальные. Улицы обсаживают масличными пальмами, которые, кроме тени, приносят их владельцам и экономическую выгоду. Дома уже не всегда группируются вокруг нескольких центров, они более или менее рассредоточены. Отсутствует какой-либо общий центр тяготения, характерный для старой общины (хижина для отдыха пришельцев, площадь для обсуждения деревенских дел или место для совместной трапезы мужчин).

Существуют поселения, насчитывающие по 150—200 домов. В Казембе — резиденции верховного вождя луунда — в 1950 г. проживало 3 тыс. чел. Казембе связан прямым автобусным сообщением с городами «медного пояса» и наводнен дельцами и специалистами чисто городских профессий; он официально считается «сити», т. е. поселком городского типа, а не деревней.

В поселениях нового типа изменились и жилища. Большая часть новых домов сооружается не из глины и веток, а из кимберлитового кирпича. Такие прямоугольные в плане кирпичные дома строятся не только в Казембе, но и в любой деревне; их охотно продают и покупают. Постройка кирпичного дома обходится примерно в 20 фунтов стерлингов, что лишний раз свидетельствует о существовании определенной прослойки зажиточных людей, которым уже по карману довольно значительные расходы. Человека, уважаемого за богатство, крестьяне луунда называют особым словом — «муканкала».

Ян Каннисон приводит в одной из своих работ³² интересный план деревни Чубулва, зарисованный им в августе 1949 г. Всего на плане изображено 43 дома, из них 35 глинобитных и 8 кирпичных (в том числе дом старшины). Следовательно, по меньшей мере около 20% принадлежало зажиточным крестьянам.

Вследствие недостатка фактического материала настоящее исследование имеет сугубо предварительный характер. И все же уже сейчас можно сделать некоторые выводы.

Социальные отношения в северородезийской деревне представляют собой весьма сложный комплекс, который сложился на базе тесного переплетения остатков родовых отношений с патриархально-феодальными и нарождающимися капиталистическими отношениями³³. О переживаемом родезийской деревней периоде социальных сдвигов в сторону развития капитализма свидетельствует ряд фактов. Сюда относятся рост отходничества, бурное развитие торговли рыбой и солью, организация кооперативов, возделывание экспортных технических культур и, как результат всего этого, рост имущественного неравенства, появление деревенских кулаков и богатых торговцев, с одной стороны, бедноты — с другой.

Однако прослойка сельской буржуазии, которая складывается в деревне Северной Родезии, еще немногочисленна и слаба. Классовая дифференциация идет там сравнительно медленно.

³¹ I. Cunnison, Headmanship and the Ritual of Luapula Villages, «Africa», т. XXVI, № 1, 1956, стр. 3

³² Там же, стр. 24.

³³ Такое переплетение элементов различных производственных отношений является характерной чертой современной африканской деревни вообще (см. об этом И. И. Потехин, Родовые отношения в системе социальных отношений современной африканской деревни, «Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1956).